

Институт подсудности как элемент процессуального механизма обеспечения доступности правосудия

Резюме. В уголовно-процессуальном механизме обеспечения доступа к правосудию институту подсудности отведена роль универсального инструмента, обеспечивающего фактическую возможность обращения лица за судебной защитой на любых этапах производства по уголовному делу. Существенные законодательные трансформации, которым подверглись правила о подсудности за последние годы, актуализируют вопрос о возможности данного института не только выполнять техническую функцию по распределению уголовных дел между судами, но и гарантировать доступность отдельных процессуальных прав. Результаты исследования свидетельствуют о заметном отклонении российского законодателя от прежней модели дифференциации подсудности. Размытие границ между подсудностью уголовных дел военным судам, судам общей юрисдикции и мировой юстиции стало следствием игнорирования процессуальной и судоустройственной специфики их деятельности. Обосновано, что механизм изменения подсудности в целях обеспечения личной безопасности участников судопроизводства характеризуется неоправданной сложностью, ограниченностью сферы применения, в то время как порядок изъятия и передачи уголовного дела в другой суд для обеспечения объективности и беспристрастности судебного разбирательства, напротив, обладает неопределенностью и, в сущности, дублирует процедуру отвода состава суда. На основе конкретных судебных решений показано, что данные обстоятельства не позволяют раскрыть весь потенциал механизма изменения подсудности и способствуют формированию противоречивой практики. Доказана потребность в легитимации изменения территориальной подсудности при возникновении некоторых непреодолимых обстоятельств, ограничивающих доступ к правосудию, в частности при длительной невозможности формирования коллегии присяжных заседателей.

Ключевые слова: подсудность уголовных дел; доступность правосудия; военные суды; изменение подсудности; суды общей юрисдикции; передача уголовного дела; судебное разбирательство

Для цитирования: Гизатуллин И. А. Институт подсудности как элемент процессуального механизма обеспечения доступности правосудия. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 5. С. 33–46. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.033-046

The Institution of Jurisdiction as a Procedural Mechanism for Ensuring Access to Justice

Irek A. Gizatullin
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russian Federation

Abstract. Within the criminal procedural framework for ensuring access to justice, the institution of jurisdiction serves as a universal mechanism that guarantees a person's practical ability to seek judicial protection at any stage of criminal proceedings. The significant legislative transformations to which the rules governing jurisdiction

have been subjected in recent years have brought into focus the question whether this institution is capable not merely of performing a technical function of allocating criminal cases among courts, but also of safeguarding access to specific procedural rights. The findings of the study indicate a marked departure by the Russian legislature from the previously established model of differentiated jurisdiction. The blurring of boundaries among the jurisdiction of military courts, courts of general jurisdiction, and magistrate courts has resulted from a disregard for the procedural and institutional particularities of their respective functions. The author demonstrates that the mechanism for changing jurisdiction in order to ensure the personal safety of participants in criminal proceedings is characterized by undue complexity and a narrowly circumscribed scope of application. Conversely, the procedure for removing and transferring a criminal case to another court to safeguard the objectivity and impartiality of the trial is marked by indeterminacy and, in essence, duplicates the procedure for challenging a panel of judges. An analysis of specific judicial decisions shows that these circumstances prevent the full potential of the mechanism for changing jurisdiction from being realized and contribute to inconsistent judicial practice. The study substantiates the need to legitimize changes in territorial jurisdiction in the event of certain insurmountable circumstances that restrict access to justice, particularly in cases where there is a prolonged inability to empanel a jury.

Keywords: jurisdiction of criminal cases; accessibility of justice; military courts; change in jurisdiction; courts of general jurisdiction; transfer of a criminal case; trial

Cite as: Gizatullin IA. The Institution of Jurisdiction as a Procedural Mechanism for Ensuring Access to Justice. *Lex russica*. 2026;79(5):33-46. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.033-046

Введение

Любое обстоятельное исследование доступности правосудия требует постановки вопроса о минимальном наборе организационных и процедурных элементов механизма ее обеспечения. В судоустройственном контексте поиск ответа на него в конечном счете сводится к разработке и обоснованию перечня требований к организационно-технической оснащённости судебной системы. Предмет сугубо процессуального дискурса по данному вопросу значительно шире, что объективно обусловлено как минимум многостадийностью уголовного судопроизводства и непостоянством функций, статуса и объема прав его участников по мере движения уголовного дела. Это позволяло специалистам определять специфичный набор процедурных условий доступности правосудия в отношении практически каждого его этапа¹.

Тем не менее универсальной, т.е. не зависящей от указанных обстоятельств, исходной процессуальной гарантией доступа к правосудию является институт подсудности. При всем разнообразии закрепленных в законе механизмов

судебной защиты запуск любого из них вне зависимости от стадии производства предопределяется установленным порядком выбора суда, который будет рассматривать уголовное дело или материалы по нему. В этом смысле данному институту всегда отводилась роль некоего проводника в сферу судебной формы разрешения любого правового конфликта.

И без того всегда стабильно высокий интерес юридической науки к рассматриваемому институту усиливается в связи с продолжающимся реформированием его ключевых нормативных положений. Попытки сравнения современной редакции ст. 31–35 УПК РФ с той, что действовала, скажем, лет 10 назад, в целях определения ценностной линии развития самого института скорее обречены: значительная часть статей регулярно корректировалась, вводимые положения довольно скоро утрачивали юридическую силу, а специфичная техника изложения норм по-прежнему усложняет их однозначное восприятие правоприменителем². О глобальности преобразований свидетельствуют, конечно же, не только последствия юридико-технического толка, но и нарушение

¹ См., например: *Литвиненко К. Л.* Обеспечение права граждан на доступ к правосудию в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012 ; *Воронина Н. А.* Право потерпевшего на доступ к правосудию и его реализация в досудебном уголовном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024 с. ; *Сидоров В. В.* Надзорное производство в уголовном процессе как средство обеспечения права на доступ к правосудию : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

² *Бехало С. В.* Подсудность в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 100.

прежней системы подсудности, в частности модели ее дифференциации. Так, еще на рубеже начала действия УПК РФ правила распределения уголовных дел между уровнями и видами судов конструировались на основе, во-первых, специфики составов преступлений, во-вторых, сочетания единоличной и коллегиальной форм рассмотрения дела (чем выше уровень суда, тем вероятнее доминирование коллегиальной формы), в-третьих, учета персональной характеристики участников судопроизводства, требующей особой специализации судей (военнослужащие, несовершеннолетние, присяжные заседатели).

Сейчас же использование указанных критериев не позволяет логически объяснить предложенную законодателем дифференциацию подсудности: коллегиальный состав больше не является обязательным при рассмотрении дела по первой инстанции в суде областного значения³; институт суда присяжных распространился на районное звено⁴, потребовав особой специализации у всех федеральных судей, а передача на рассмотрение военным судам некоторых уголовных дел, не связанных по объективным и субъективным признакам состава преступления с военной службой⁵, напротив, исключила профильность таких судов.

При всем желании не все изменения можно оправдать лишь проведением масштабной судебной реформы в конце прошлого десятилетия. Объективно не связано с указанным обстоятельством законодательное расширение в 2018 г. перечня оснований и порядка изменения подсудности, которое актуализировало известную в науке дискуссию о способности данного института не только выполнять техни-

ческую функцию по распределению всего массива уголовных дел между судами, но и обеспечивать доступ лиц к иным процессуальным гарантиям (личной безопасности участников судопроизводства, объективности и беспристрастности суда и т.п.)⁶.

В большей части случаев доступность некоторых процессуальных возможностей в ходе судебного производства — это изначально вопрос о действующей системе подсудности и основаниях ее изменения. Элементарным свидетельством тому служит непреодолимая зависимость состава суда от установленной в законе подсудности, которая предопределяет осуществимость притязаний лица на коллегиальное рассмотрение дела или неординарные формы судебного разбирательства (например, с участием присяжных заседателей)⁷. Данная зависимость может быть и неочевидной, а ее негативные последствия проявляться на более поздних этапах производства по уголовному делу. Показательным примером этого в отечественной истории уголовного процесса служат статья 40 УПК РСФСР 1960 г., допускавшая право вышестоящего суда принять к своему производству уголовное дело, подсудное нижестоящему, и практика ее реализации в нашумевшем в силу общественно-политического резонанса судебном разбирательстве в отношении советских писателей А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля⁸. Как известно, изъятие Верховным Судом РСФСР данного дела из производства Московского городского суда с последующим вынесением обвинительного приговора лишило обвиняемых потенциальной возможности обжалования в суд второй инстанции, поскольку приговоры Верховного Суда РСФСР пересмотру не под-

³ Федеральный закон от 27.11.2023 № 562-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 30.11.2023.

⁴ Федеральный закон от 29.12.2017 № 467-ФЗ «О внесении изменений в статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 1 Федерального закона “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей”» // Российская газета. 31.12.2017.

⁵ Здесь имеется в виду ряд федеральных законов, принятых в период с 2010 по 2023 г. и постепенно расширивших подсудность военных судов.

⁶ Пупышева Л. А. Феномен подсудности в российском уголовном процессе: проблемы теории и законодательного регулирования // Философия права. 2021. № 1 (96). С. 100–108.

⁷ О соотношении этих категорий см.: Бехало С. В. Указ. соч. С. 36–41.

⁸ См.: Головкин Л. В. Институт подсудности в уголовном процессе: границы между ценностным и техническим измерением // Институт подсудности в уголовном процессе: материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 г. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 6–7.

лежали⁹. Таким образом, есть основания полагать, что последствия корректировок института подсудности не носят локальный характер, а потенциально влияют на систему уголовно-процессуальных отношений, возникающих за его пределами. Обратимся к подробному анализу наиболее значимых в этом ключе законодательных преобразований.

Подсудность как механизм распределения уголовных дел между судами

1. За последние 15 лет законодательные правки ст. 31 УПК РФ наибольшим образом трансформировали подсудность военных судов, приведя к переоценке их функциональной специфики в системе всей отечественной судебной системы. Процесс реформирования сопровождался непостоянством вводимых норм¹⁰, что давало повод представителям уголовно-процессуальной доктрины сомневаться в том, какую систему подсудности законодатель желает в конечном счете получить. Так или иначе, определенная реструктуризация состоялась. Ее главные итоги связаны: а) с отнесением к подсудности военных судов уголовных дел по не специфичным для военной службы (по объективным и субъективным признакам) составам преступлений; б) расширением перечня особых обстоятельств совершенного преступления (например, п. 3 и 4 ч. 6 ст. 31 УПК РФ) и условий производства по делу (например, ч. 4 ст. 35 УПК РФ), наличие которых позволяет передавать дело для рассмотрения военным судам.

На институциональном уровне это ослабило значение персонального критерия, в основном использовавшегося для разграничения подсудности между военными судами и судами общей юрисдикции. В литературе при поиске причин такого законодательного решения стало распространено апеллировать к историческим традициям, в частности к модели формирования подсудности в советском законодательстве¹¹. Однако объективно доказать явную

связь между террористическими преступлениями и необходимостью рассмотрения военными судами уголовных дел по ним на основе, скажем, общепринятых критериев сопоставимости общественной опасности и уровня квалификации судей, специализации судов и т.д., пожалуй, невозможно.

Некоторые установленные способы определения подсудности оказались спорными. В частности, окружные (флотские) военные суды получили право рассмотрения уголовных дел о преступлениях, при назначении наказания за которые подлежит учетуотягчающее обстоятельство, предусмотренное пунктом «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Соответственно, предметная подсудность определяется таким признаком уголовного дела, наличие которого попросту неизвестно на этапе передачи его в суд. В теории это может означать, что окончательная оценка правильности установленной подсудности будет проведена лишь в самом конце судебного разбирательства, когда суд приступит к назначению наказания. И если возникнет необходимость передачи уголовного дела в военный суд по данному обстоятельству, то судебное разбирательство будет производиться с самого начала, что ставит вопрос о соблюдении разумных сроков рассмотрения дела. Сказанное относится к производству по уголовным делам о любых преступлениях, осуществляемому судом любого уровня.

Объективно назревшая потребность в использовании механизма изменения подсудности для обеспечения личной безопасности участников уголовного судопроизводства была также реализована путем расширения юрисдикции окружных (флотских) военных судов. Однако имеющийся потенциал данной меры не был использован полностью в связи с установлением ограниченного количества составов преступлений (ст. 208, 209, 211 (ч. 1–3), 277–279, 360 УК РФ) и усложненного порядка ее осуществления (решение принимается высшим судебным органом по ходатайству высших должностных лиц российской прокуратуры).

⁹ См. об этом подробнее: *Савицкий В. М.* О презумпции невиновности и других принципах уголовного процесса // *Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М.* Уголовный процесс России : лекции-очерки. М. : Бек, 1997. С. 6.

¹⁰ Например, часть 6.1 ст. 31 УПК РФ, введенная в 2014 г., существенно редактировалась в 2016 г., затем в 2018 г., а с 2023 г. утратила юридическую силу.

¹¹ См., например: *Дикарев И. С.* Особый порядок производства в военных судах по делам о преступлениях террористической направленности: исторические параллели // *Правовое государство: теория и практика.* 2022. № 4 (70). С. 130–137.

Таким образом, изменение подсудности уголовных дел по другим преступлениям, при рассмотрении которых тоже может возникать угроза личной безопасности, прямо в законе не предусмотрена. Важно заметить и то, что в некоторых случаях реализация этой меры приводит к лишению права обжалования во второй кассационной инстанции, как, например, при изъятии уголовного дела из районного суда и его передаче в окружной (флотский) военный суд: кассационная жалоба на его решение рассматривается Судебной коллегией по делам военнослужащих Верховного Суда РФ, т.е. высшей судебной инстанцией, решения которой в порядке кассации обжалованию не подлежат; вместе с тем, если бы уголовное дело рассматривалось районным судом или передавалось в приравненный к нему гарнизонный военный суд, кассационной инстанцией являлись бы кассационные суды (общей юрисдикции или военные), на решения которых (в отличие от первой ситуации) могут подаваться жалобы в порядке кассации в Верховный Суд РФ.

При всем сходстве часть 4 ст. 35 УПК РФ нельзя называть прямым аналогом ст. 40 УПК РСФСР, а случаи ее применения на практике приравнивать по последствиям к упомянутому делу против советских писателей А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля, поскольку право на пересмотр судебного решения всё же предоставляется, хотя и меньшее число раз¹². Справедливости ради скажем и то, что ситуация с сокращением количества кассационных инстанций характерна для практики рассмотрения судами областного звена уголовных дел по первой инстанции. Ученые видят в этом специфику российской системы пересмотра приговоров, когда итоговые судебные решения в отношении лиц, совершивших более тяжкие преступления, могут быть обжалованы в меньшем количестве

инстанций, нежели в случае с преступлениями небольшой и средней тяжести¹³.

Другой ключевой вопрос, обсуждавшийся в литературе еще в период действия первых редакций указанной нормы, связан с причиной выбора законодателем именно военных судов, которым уголовное дело передается на рассмотрение¹⁴. Стало ли это следствием того, что сложность уголовных дел, при производстве по которым возникает необходимость обеспечить безопасность участников, заметно выше, что требует его передачи только в специализированные суды? Усложняется ли процедура судебного производства в связи с применением данной меры процессуальной защиты настолько, что требует «повышенного» судебного звена, представленного потенциально более опытными судьями? И, пожалуй, главное — обладает ли сам суд, которому передано уголовное дело, такими организационными и административными условиями, которые позволяют обеспечить исключительную безопасность участников судебного разбирательства, недоступную в судах общей юрисдикции? Исходя из унифицированности правил судебного производства по уголовным делам, т.е. их единства для всех судов судебной системы, никакой процессуальной специфики рассмотрения подобных уголовных дел нет. Если же возникает необходимость в совершении специальных действий, связанных с дальнейшим обеспечением безопасности лиц (например, в проведении судебного заседания в порядке п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ), то с этим успешно справляются и суды общей юрисдикции. Определенные сомнения возникают и в наличии отличительных условий организации судебного процесса, позволяющих исключать всякую угрозу для физической безопасности лиц, о чем свидетельствуют суждения самих представителей военного судейского корпуса,

¹² Отметим, что изначальный вариант соответствующего законопроекта как раз предполагал возможность изъятия и передачи таких дел на рассмотрение в Верховный Суд РФ по решению Председателя Верховного Суда РФ или его заместителя, т.е., по сути, являлся реанимацией ст. 40 УПК РСФСР. В последующем из текста этого проекта данные положения были изъятые. См.: паспорт проекта федерального закона № 250826-5 «О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части подсудности уголовных дел о преступлениях террористического характера)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/250826-5> (дата обращения: 23.01.2025).

¹³ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 3-е изд. М.: Статут, 2021. С. 1173.

¹⁴ См.: Калиновский К. Б. Изменение подсудности уголовного дела как средство обеспечения безопасности участников уголовного процесса // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции (29–30 октября 2009 г.) / отв. ред. Ю. В. Даровских. Тюмень: ТГАМЭУП, 2010. Вып. 6. С. 228–231.

подкрепляемые красноречивыми примерами из судебной практики. В частности, А. В. Абабков, заместитель председателя Московского военного окружного суда в почетной отставке, описывает ситуацию, когда рассмотрение уголовного дела в отношении почти двух десятков подсудимых было перенесено в здание Московского городского суда за неимением у окружного военного суда собственного помещения, способного вместить такое большое количество участников судебного разбирательства¹⁵. Ввиду отсутствия других объяснений и это решение законодателя специалисты истолковывают лишь в историческом ключе, проводя параллели с некоторыми нормативными правовыми актами Советского Союза¹⁶.

Сравнительно небольшое количество военных судов в стране и, как следствие, высокая вероятность их территориальной отдаленности от места проживания участников процесса вызывают организационные неудобства, обуславливают дополнительные материальные и временные затраты. Пик остроты проблемы пришелся на период действия первой редакции ч. 6.1 ст. 31 УПК РФ¹⁷, которой устанавливалась подсудность ряда уголовных дел, так или иначе связанных с преступлениями террористической направленности, всего лишь двум окружным военным судам — Московскому и Северо-Кавказскому. Однако расширение этого перечня не решило проблему, и на сегодня специфика судебной географии страны и широкая дискреционная подсудность соответствующих дел военным судам в совокупности являются мощным катализатором практики онлайн-правосудия.

2. Среди прочих законодательных перетасовок составов преступлений между частями ст. 31 УПК РФ еще одним неординарным решением стал переход от мировых судей права рассмотрения уголовных дел по некоторым преступлениям с административной преюдицией к

районным судам¹⁸. Причины соответствующих изменений видели в угрозах: а) нарушения объективности судебного разбирательства, поскольку мировому судье приходилось оценивать обстоятельства, ранее установленные им же при разрешении дела об административном правонарушении; б) нарушения инстанционности в ситуации, когда по делу об административном правонарушении районный суд выносил решение, последующую оценку которого производил мировой судья при рассмотрении уголовного дела по аналогичному деянию¹⁹. Комментарии относительно реалистичности данных угроз намеренно опустим, сосредоточившись на некоторых последствиях изменения подсудности.

В число преступлений с административной преюдицией, рассмотрение уголовных дел по которым отнесено к компетенции районных судов, попал состав, предусмотренный статьей 116.1 УК РФ, уголовное преследование по которому осуществляется в частном порядке (ч. 2 ст. 20 УПК РФ). При этом производство по делам частного обвинения по-прежнему является прерогативой мировых судей.

Таким образом, возникло институциональное противоречие: мировые судьи формально лишились права принимать заявления частного обвинителя, а суды районного звена соответствующего права не приобрели. Это повлекло длительный хаос в правоприменительной практике: суды по-разному разрешали возникшую коллизию. Оказался довольно распространенным механизм отказа в принятии заявления районным судом с последующей его передачей в орган дознания для возбуждения уголовного дела. Так, Московский городской суд в своем апелляционном постановлении, подтверждая законность отказа Хорошевского районного суда в принятии частной жалобы, указал: «Принимая во внимание, что порядок производства

¹⁵ Абабков А. В. Развитие специальной предметной и персональной подсудности уголовных дел военным судам // Институт подсудности в уголовном процессе : материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 г. С. 29.

¹⁶ Дикарев И. С. Вопросы подсудности уголовных дел военным судам // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2020. № 6 (275). С. 63–65.

¹⁷ Федеральный закон от 05.05.2014 № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 07.05.2014.

¹⁸ Федеральный закон от 27.12.2018 № 509-ФЗ «О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 29.12.2018.

¹⁹ См.: Королев В. А. Проблемы рассмотрения уголовных дел частного обвинения в результате изменения подсудности // Законность и правопорядок. 2019. № 2. С. 5–6.

по делам частного обвинения закреплен только для мировых судов в разд. XI УПК РФ, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьей 116.1 УК РФ, исключены из подсудности мировых судей, суд правомерно передал жалобу заявителя в орган дознания ОМВД России... которому в соответствии со ст. 150, 151 УПК РФ подсудственна указанная категория дел»²⁰. Подобная формулировка использована и в ряде других решений²¹.

Слѣдует отметить, что в этих ситуациях не было установлено зависимое или беспомощное состояние потерпевшего либо наличие иных причин, свидетельствующих о невозможности лица самостоятельно защищать свои права и законные интересы, что дает право руководителю следственного органа, следователю или дознавателю самостоятельно возбуждать дело независимо от вида уголовного преследования. Нередко сам орган дознания в ходе проверки обращения в качестве такого беспомощного состояния потерпевшего признает сам факт невозможности возбуждения районным судом производства по частной жалобе. В частности, Аткарским городским судом Саратовской области установлено, что «из мотивировочной части постановления (о возбуждении уголовного дела. — И. Г.) следует, что при наличии признаков преступления, предусмотренного частью 1 ст. 116.1 УК РФ, уголовное дело возбуждено дознавателем с согласия прокурора, поскольку Потерпевший № 1 лишена возможности защитить свои интересы посредством подачи в районный суд заявления по делу частного обвинения, по ст. 116.1 УК РФ, поскольку в соответствии с уголовно-процессуальным законом районный суд не наделен правом возбуждения таких уголовных дел частного обвинения»²².

Таким образом, практика принятия заявления частного обвинителя нередко вызывает

ограничение доступа к правосудию, поскольку установленный законом порядок возбуждения судом производства по делу частного обвинения фактически нереализуем. Данный аргумент, приводимый сторонами для обоснования незаконности возбуждения органом дознания дела, не принимается высшими судебными инстанциями, о чем свидетельствуют также материалы судебной практики²³. Регулярная переадресация заявителя из одного органа в другой, дополнительное ожидание регистрации и рассмотрения обращения в конечном счете приводят к затягиванию производства по делу и с учетом категории тяжести преступления к истечению сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Именно такие последствия стали предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ в деле по жалобе гражданки Г. И. Баскаковой, которая оспаривала нормы уголовно-процессуального закона, вызывающие неопределенность правового регулирования порядка возбуждения уголовного дела частного обвинения о преступлении, предусмотренном частью 1 ст. 116.1 УК РФ²⁴. Конституционный Суд РФ в решении указал на допустимость использования аналогии права, подобно тому как это происходит в практике рассмотрения гарнизонными военными судами (относящимися, как и районные суды, к системе федеральных судов общей юрисдикции) уголовных дел частного обвинения в отношении военнослужащих. Соответственно, «принятие районным судом к своему производству и рассмотрение им уголовных дел частного обвинения о преступлениях, предусмотренных частью первой статьи 116.1 УК Российской Федерации, осуществляется по правилам производства по уголовным делам, подсудным мировому судье»²⁵.

С практической точки зрения приведенные разъяснения дали положительный эффект:

²⁰ Апелляционное постановление Московского городского суда от 27.11.2023 по делу № 10-24303/2023 (здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

²¹ См.: апелляционные постановления Zubovo-Polyanskogo районного суда Республики Мордовия от 19.04.2024 по делу № 10-6/2024 ; Московского городского суда от 01.12.2022 по делу № 10-24247/2022.

²² Постановление Аткарского городского суда Саратовской области от 15.01.2024 по делу № 1-9/2024.

²³ См.: постановления Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07.06.2022 № 77-2567/2022 ; Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19.03.2024 № 77-597/2024.

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 13-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 20, частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147, частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. И. Баскаковой» // Российская газета. 10.04.2024.

²⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 13-П.

разночтения были устранены, а проверочные судебные инстанции указывают на правомерность производства по делам частного обвинения в районных судах²⁶. На законодательном уровне при этом никаких изменений не состоялось, да и стоит ли их ожидать при условии, что практической ценности они фактически иметь не будут — разве что придадут визуальную согласованность нормам уголовно-процессуального закона. Пожалуй, главным неоднозначным итогом легитимации рассмотрения районными судами уголовных дел частного обвинения стала окончательная утрата процессуальной специфики мировой юстицией. И без того болезненный вопрос актуализировался с новой силой, вынудив представителей правовой доктрины в очередной раз задуматься о пересмотре существующего порядка дифференциации российской судебной системы.

Изменение подсудности как гарантия доступа к процессуальным правам

По понятным причинам механизм определения подсудности должен быть в некоторой степени гибким, т.е. приспособленным к ситуациям, когда рассмотрение уголовного дела правомочным в соответствии с установленными правилами судом оказывается невозможным или вредным для правосудия. Регламентация специальных оснований по изменению территориальной подсудности позволяет сделать вывод, что право, а иногда и обязанность передать дело для рассмотрения другому суду даже при условии соблюдения предметных, территориальных и персональных критериев являются способами обеспечения, например, личной безопасности участников судопроизводства, объективности и беспристрастности суда и, как показывает практика, непрерывности начатого судебного разбирательства.

По этому поводу в науке всегда возникало «условное противостояние между поборниками строгого и буквального соблюдения ч. 1 ст. 47 Конституции РФ в ее бескомпромиссном понимании (что-то вроде знаменитого *fiat justitia, pereat mundus*) и сторонниками создания дискреционных механизмов выведения суда из-под дополнительных политических

и физических рисков посредством создания специальных оснований изменения подсудности»²⁷. Таким образом, сама возможность изъятия уголовного дела из суда, которому оно подсудно в силу территориальной или предметной характеристики, и передачи в другой есть в некоем чисто формальном смысле нарушение доступности права лица «на свой суд», однако с ценностной точки зрения подобные действия совершаются или по крайней мере должны совершаться в связи с обеспечением других, не менее значимых условий отправления справедливого правосудия.

В самой судебной практике практически невозможно выявить какие-то явные тенденции к большей защите судами публичных или частных начал: по сходным ситуациям могут приниматься прямо противоположные решения, что свидетельствует о наличии существенной доли судьейского усмотрения. С большей уверенностью можно сказать, что отношение к самой возможности изменения подсудности разнится в зависимости от основания, по которому заявлено ходатайство. Например, установленный факт, что все судьи конкретного суда ранее принимали участие в производстве по рассматриваемому уголовному делу (пп. «а» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ), является безусловным поводом для изменения подсудности и никаких разночтений не вызывает, возможно, в силу чисто организационно-технического характера самой нормы.

Несколько сложнее обстоит ситуация с передачей дела по причине того, что не все участники процесса проживают на территории, на которую распространяется юрисдикция суда (пп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ). Подтверждения указанного обстоятельства и отсутствия возражений обвиняемого зачастую не всегда достаточно для изменения подсудности, о чем могут свидетельствовать следующие формулировки из судебных решений: «Законом предусмотрена возможность допроса свидетелей и потерпевшего путем использования видеоконференц-связи, поэтому суд обоснованно признал несостоятельной ссылку на затруднения в транспортной доступности...»²⁸; «Закон не содержит положений об обязанности суда изменить территориальную подсудность уголовного дела по основаниям, указанным в подпункте “б” пункта 2 части 1 статьи 35 УПК РФ,

²⁶ См.: постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18.07.2024 № 77-1799/2024.

²⁷ Головки Л. В. Указ. соч. С. 11–12.

²⁸ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 16.03.2022 № АПЛ22-74.

удовлетворив соответствующее ходатайство участника (участников) судебного разбирательства. <...> Учитывает Апелляционная коллегия и предусмотренную законом (статья 278.1 УПК РФ) возможность допроса свидетелей посредством системы видео-конференц-связи»²⁹. Есть и более лаконичные обоснования отказа в изменении территориальной подсудности по данному основанию: «Правильным является вывод суда о том, что содержащаяся в подпункте “б” пункта 2 части 1 статьи 35 УПК РФ норма, на основании которой адвокат просил изменить территориальную подсудность уголовного дела, не является императивной»³⁰.

Нередко высшие судебные инстанции дают расширительное толкование рассматриваемой нормы, не соответствующее ее буквальному смыслу: «По смыслу положений ч. 1 ст. 32, пп. “б” п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ территориальная подсудность уголовного дела может быть изменена по ходатайству сторон не только при наличии двух обстоятельств, таких как проживание не всех участников уголовного судопроизводства на территории, на которую распространяется юрисдикция суда, и согласие всех обвиняемых на изменение территориальной подсудности уголовного дела, но и наличия исключительных обстоятельств, способствующих более эффективному рассмотрению уголовного дела в ином суде, куда передается уголовное дело»³¹. Какие обстоятельства могут об этом свидетельствовать и какие, кроме указанных в самой норме, условия должны соблюдать суды при принятии решения, остается неизвестным.

Превалирование защиты публичного интереса в подобных случаях не всегда удается объяснить через стремление к экономии временных и материальных ресурсов как составного элемента этого интереса. Установленные судом препятствия для непосредственного участия лиц при рассмотрении дела в силу, например, тяжелой болезни иногда предлагается преодолевать путем организации выездных судебных

заседаний, что не только сопоставимо по затратам с последствиями изменения подсудности, но и превышает их³². С формальной позиции можно признать справедливой склонность некоторых авторов не оценивать в целом решения судов об отказе изменения подсудности по данному основанию как нарушающие права и интересы³³. Однако в условиях слабой мотивированности таких отказов в судебной практике нет единых и понятных для сторон процесса ориентиров относительно того, какие обстоятельства могут претендовать на роль исключительных.

Расширение в конце 2018 г. перечня оснований изменения территориальной подсудности путем введения пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ, с одной стороны, является свидетельством возможности использования этого механизма для решения других, не ограниченных лишь рамками самого рассматриваемого института задач (в данном случае — обеспечения объективности и беспристрастности суда); с другой — такое решение вызвало конкуренцию с иным, идентичным по своей сути процессуальным инструментом исключения тенденциозности при рассмотрении дела — процедурой отвода. Надо сказать, что порядок их реализации все же разный, что следует как минимум из законодательных различий порядка заявления и разрешения ходатайств об отводе судьи (судей) и изменения подсудности по пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ. Судебная практика при оценке соотношения данных оснований акцентирует внимание преимущественно на различиях технического, а не сущностного плана, указывая, что при изменении территориальной подсудности «заявления отводов каждому из судей суда, в который поступило уголовное дело, и удовлетворения всех заявленных отводов не требуется, — достаточно в рамках критерия объективности определить, имеются ли доказуемые факты, свидетельствующие о наличии прямых или косвенных оснований для возник-

²⁹ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 26.02.2021 № АПЛ21-66.

³⁰ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 27.08.2020 № АПЛ20-274.

³¹ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18.08.2022 № АПЛ22-318.

³² Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 15.12.2020 № 55-741/2020.

³³ См., например: Семенов С. Н. Изменение территориальной подсудности в уголовном процессе как гарантия доступа к правосудию (вопросы применения и совершенствования законодательства) // Вестник Амурского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 42. С. 19; Хомяков С. А. К вопросу о территориальной подсудности гражданских дел военным судам Российской Федерации и определение их территориальной подсудности // Российский судья. 2014. № 1. С. 28–33.

новения сомнений в беспристрастности судебного разбирательства»³⁴. Таким образом, основание, предусмотренное подпунктом «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ, условно говоря, выступает упрощенной формой применения права отвода судьи; оба этих правила имеют единую правовую сущность, направлены на недопущение предвзятости при вынесении решения и одинаково базируются на дискреционном характере полномочий суда.

Практика демонстрирует то, что упрощается не только порядок заявления сторонами ходатайства, но и сам процесс его разрешения судом. При принятии решения об отводе требуется установление потенциальной зависимости конкретного судьи или каждого из судей в коллегии от тех или иных обстоятельств, ставящих под сомнение его объективность и беспристрастность. В случае с изменением подсудности в порядке пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ подобные обстоятельства могут являться весьма абстрактными, а их оценка не производится в жесткой привязке к персоне судьи. В большинстве судебных решений об изменении подсудности по данному основанию признаются влияющими на объективность рассмотрения дела такие обстоятельства, которые в практике разрешения заявленных отводов вообще не принято считать достаточными и убедительными (что, к слову, вполне оправданно). Типичный пример — факт общественного резонанса и внимания СМИ к судебному разбирательству³⁵ и наличие некоего авторитета подсудимого, способного повлиять на решения правоохранительных органов и суда³⁶. Разумеется, в силу оценочности упомянутых признаков сложно в ходе рассмотрения ходатайства подтвердить или опровергнуть их наличие: как и чем, например, измеряются авторитет и уровень общественного резонанса? Несмотря на это, суды со ссылкой на разъяснения Конституционного Суда РФ повторяют, что «применительно к дан-

ным обстоятельствам... необходимо определить, имеются ли *доказуемые факты* (курсив мой. — И. Г.), свидетельствующие о наличии прямых или косвенных оснований для возникновения сомнений в беспристрастности...»³⁷.

Искусственное разграничение данных оснований изменения подсудности, которое наблюдается в судебной практике, не меняет того, что по своей сущности они взаимозаменяемы: любое подтвержденное обстоятельство, ставящее под сомнение объективность и беспристрастность суда, — это одновременно основание полагать, что судья «лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе данного уголовного дела» (ч. 2 ст. 61 УПК РФ). В конечном счете может показаться, что истинной причиной дополнения ст. 35 УПК РФ стала необходимость предоставления дополнительной возможности изменения подсудности по не совсем очевидным обстоятельствам, которые хотя и имеют место при производстве по уголовному делу, но «не дотягивают» по своей значимости до тех, которые принято учитывать при заявлении и разрешении отводов.

В некоторых случаях для обоснования целесообразности изменения подсудности судьи прибегают к использованию формулировок, создающих впечатление заведомой неблагонадежности суда, у которого изымается из производства уголовное дело. Строятся такие выводы на основе весьма условных обстоятельств: например, занятие подсудимым руководящей должности органа исполнительной власти или местного муниципалитета почему-то свидетельствует о тесном взаимодействии с судьями данной территориальной единицы³⁸. Какие «взаимодействия» могут быть у чиновников с судьями, кроме как в рамках осуществления правосудия, т.е. в случаях, когда каждый из них является участником судебного процесса, не совсем понятно³⁹. Не подвергая сомнению необходимость изменения подсудности при

³⁴ Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.08.2023 № 3/12-25/2023.

³⁵ См., например: апелляционные определения Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 23.06.2021 № АПЛ21-207 ; от 12.12.2019 № АПЛ19-498.

³⁶ См., например: апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12.11.2024 № 46-АПУ24-8-К6.

³⁷ Апелляционное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 09.04.2021 № АПЛ21-90.

³⁸ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12.11.2024 № 46-АПУ24-8-К6.

³⁹ Надо сказать, что Конституционный Суд РФ как раз заложил основу для формирования такой позиции судов общей юрисдикции. Именно в постановлении от 09.11.2018 № 39-П перечисляются условия, которые ставят под сомнение объективность и беспристрастность суда: «широкие связи во властных

возникновении объективных сомнений в беспристрастности суда, заметим, что такие вольные формулировки могут подорвать доверие в глазах общества, а в отрыве от общего контекста выглядят как умаляющие независимость и авторитет судей.

И наконец, еще одной причиной формирования противоречивой судебной практики по рассматриваемому вопросу стал пробел в регламентации порядка определения суда, которому на основании пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ передается уголовное дело. В условиях отсутствия в законе каких-либо критериев выбора имеется потенциальная возможность направить дело в суд любого субъекта страны, что способно вызвать ограничения для непосредственного участия лиц в правосудии или существенно замедлить его. В некоторых исследованиях выявлена тенденция к направлению дела в суд по месту нахождения обвиняемого под стражей, что порождает другое негативное явление — возможность органов предварительного расследования заблаговременно определять подсудность уголовного дела своим решением, например об этапировании обвиняемого на юрисдикционную территорию «желаемого» суда⁴⁰. Фактором, сдерживающим столь широкое усмотрение, должна выступать обязанность суда мотивировать свой выбор со ссылкой на объективные обстоятельства и с учетом интересов сторон процесса.

Изменение территориальной подсудности в случаях, прямо не предусмотренных уголовно-процессуальным законом

Строгая детализация оснований и порядка изменения подсудности формально не позволяет говорить о правомерности использования данного инструмента в других, прямо не предусмотренных законом случаях. Вместе с тем

в судебной практике существуют решения по изменению подсудности, основанные на аналогии права. Сказанное хорошо иллюстрируется примерами заявления и последующего удовлетворения судом ходатайства об изменении территориальной подсудности в связи с невозможностью формирования коллегии присяжных заседателей в течение длительного времени. При всей неоднозначности подобных решений очевидно, что это мера во многом вынужденная, обусловленная наличием непреодолимых обстоятельств, препятствующих осуществлению правосудия.

Так, при апелляционном пересмотре одного из таких судебных актов установлено, что «вывод суда о наличии оснований для изменения территориальной подсудности уголовного дела основан на том, что длительное время (с ДД.ММ.ГГГГ по ДД.ММ.ГГГГ) Онгудайский районный суд Республики Алтай не может сформировать коллегию присяжных заседателей для его рассмотрения, в результате предпринятых попыток отбора кандидатов в присяжные заседатели, основной и запасной списки кандидатов в присяжные заседатели, проживающих на территории <адрес> и <адрес>ов Республики Алтай, в количестве 2 800 человек были исчерпаны. При этом суд первой инстанции пришел к выводу о том, что невозможность сформировать коллегию присяжных заседателей в связи с уклонением жителей <адрес> и <адрес>ов Республики Алтай от явки в суд, из последних общего и дополнительного списков по <адрес> многие кандидаты попадали в выборку более десяти раз, при извещении кандидатов в присяжные заседатели ими заявлялись самоотводы в связи с близким или дальним родством, личным знакомством с участниками со стороны обвинения или защиты, является препятствием к рассмотрению уголовного дела...»⁴¹

После распространения суда присяжных на районное звено судебной системы сложность

структурах, деловых кругах или криминальной сфере»; «наличие возможности манипулировать общественным мнением» и т.п. В последующем цитирование этих формулировок становится общепринятым в судебных актах по конкретным делам.

Справедливости ради скажем, что есть немало решений, в которых отсутствует склонность к формальной оценке «подозрительных» обстоятельств; напротив, суды указывают на необходимость доказывания их влияния на объективность и беспристрастность суда и недостаточность самого факта их наличия. См.: постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.06.2023 № 3/12-15/2023.

⁴⁰ Коновалова Е. Е., Чекулаев Д. П. Территориальная подсудность уголовных дел по выбору стороны обвинения: de lege lata et de lege ferenda // Законодательство и практика. 2020. № 2 (45). С. 28–29.

⁴¹ Апелляционное постановление Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 04.04.2024 по делу № 55-245/2024.

формирования коллегии присяжных заседателей стала едва ли не главной проблемой в организационно-техническом плане во многих территориальных образованиях (особенно с небольшой численностью населения). Практика ее решения путем изменения территориальной подсудности не получает поддержки у вышестоящих инстанций⁴². Мотивировка отмены таких решений абсолютно незатейливая: закон не содержит такого основания для изменения территориальной подсудности уголовного дела, как невозможность формирования коллегии присяжных заседателей⁴³. Соответственно, использование аналогии закона, по сути, не допускается, что примечательно, поскольку пробелы правового регулирования подсудности уголовных дел о преступлениях с административной преюдицией, напомним, высшие суды рекомендовали восполнять именно таким способом, перенося практику рассмотрения дел частного обвинения гарнизонными военными судами. Для цели единого правового регулирования сходных общественных отношений, возникающих в рамках одного института, существующая непоследовательность позиции правоприменителя должна быть устранена.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о необходимости законодательной систематизации института подсудности. Постепенный отказ от использовавшихся в течение многих лет критериев дифференциации подсудности не сопровождался их заменой новыми, что привело к смешению предметной юрисдикции судов разного уровня и специализации. Решение по передаче военным судам права рассмотрения уголовных дел по не специфичным для военной службы составам преступлений, став возвратом к историческим корням формирования подсудности, не предусмотрело возникновение рисков для непосредственного доступа к правосудию. Основными направлениями оптимизации процедуры изменения подсудности должны являться а) установление порядка передачи уголовных дел по подсудности в целях обеспечения личной безопасности участников в военные суды разных уровней; б) обязанность мотивировать в судебном акте выбор суда, которому передается уголовное дело в связи с обеспечением объективности и беспристрастности его рассмотрения; в) признание на уровне судебной практики допустимости изменения подсудности путем применения процессуальной аналогии при наличии исключительных обстоятельств, затягивающих разбирательство по делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абабков А. В. Развитие специальной предметной и персональной подсудности уголовных дел военным судам // Институт подсудности в уголовном процессе : материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 г. М. : Юрлитинформ, 2024. С. 15–32.

Бехало С. В. Подсудность в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 246 с.

Воронина Н. А. Право потерпевшего на доступ к правосудию и его реализация в досудебном уголовном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 27 с.

Головки Л. В. Институт подсудности в уголовном процессе: границы между ценностным и техническим измерением // Институт подсудности в уголовном процессе : материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 г. М. : Юрлитинформ, 2024. С. 5–14.

Дикарев И. С. Вопросы подсудности уголовных дел военным судам // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2020. № 6 (275). С. 63–69.

⁴² См., например: апелляционные постановления Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 24.04.2024 по делу № 55-596/2024, от 19.01.2022 по делу № 55-21/2022.

⁴³ Апелляционное постановление Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 19.01.2022 по делу № 55-21/2022.

Дикарев И. С. Особый порядок производства в военных судах по делам о преступлениях террористической направленности: исторические параллели // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 4 (70). С. 130–137.

Калиновский К. Б. Изменение подсудности уголовного дела как средство обеспечения безопасности участников уголовного процесса // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : материалы Международной научно-практической конференции (29–30 октября 2009 г.) / отв. ред. Ю. В. Даровских. Тюмень : ТГАМЭУП, 2010. Вып. 6. С. 228–231.

Коновалова Е. Е., Чекулаев Д. П. Территориальная подсудность уголовных дел по выбору стороны обвинения: *de lege lata et de lege ferenda* // Законодательство и практика. 2020. № 2 (45). С. 27–31.

Королев В. А. Проблемы рассмотрения уголовных дел частного обвинения в результате изменения подсудности // Законность и правопорядок. 2019. № 2. С. 5–6.

Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 3-е изд. М. : Статут, 2021. 1328 с.

Литвиненко К. Л. Обеспечение права граждан на доступ к правосудию в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 33 с.

Пупышева Л. А. Феномен подсудности в российском уголовном процессе: проблемы теории и законодательного регулирования // Философия права. 2021. № 1 (96). С. 100–108.

Савицкий В. М. О презумпции невиновности и других принципах уголовного процесса // Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России : лекции-очерки. М. : Бек, 1997. С. 1–13.

Семенов С. Н. Изменение территориальной подсудности в уголовном процессе как гарантия доступа к правосудию (вопросы применения и совершенствования законодательства) // Вестник Амурского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 42. С. 18–21.

Сидоров В. В. Надзорное производство в уголовном процессе как средство обеспечения права на доступ к правосудию : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с.

Хомяков С. А. К вопросу о территориальной подсудности гражданских дел военным судам Российской Федерации и определение их территориальной подсудности // Российский судья. 2014. № 1. С. 28–33.

REFERENCES

Ababkov AV. Development of special subject and personal jurisdiction of criminal cases to military courts. In: Institute of jurisdiction in criminal proceedings. *Proceedings of the 1st All-Russian Scientific and Practical Conference «Actual Problems of the Russian Criminal Process»*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2024. (In Russ.).

Behalo SV. Jurisdiction in Russian criminal proceedings. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2024. (In Russ.).

Dikarev IS. Issues of jurisdiction of criminal cases to military courts. *Law in the Armed Forces — Military Legal Review*. 2020;6(275):63-69. (In Russ.).

Dikarev IS. Special procedure for proceedings in military courts in cases of terrorist crimes: historical parallels. *The Rule of Law State: Theory and Practice*. 2022;4(70):130-137. (In Russ.).

Golovko LV (ed.). Course of criminal proceedings. 3rd ed. Moscow; 2021. (In Russ.).

Golovko LV. Institute of jurisdiction in criminal proceedings: boundaries between value and technical dimension In: Institute of jurisdiction in criminal proceedings. *Proceedings of the 1st All-Russian Scientific and Practical Conference «Actual Problems of the Russian Criminal Process»*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2024. (In Russ.).

Kalinovsky KB. Changing the jurisdiction of a criminal case as a means of ensuring the safety of participants in a criminal process. *Proceedings of International Scientific and Practical Conference (October 29–30, 2009)*. 2010;6:228-231. (In Russ.).

Khomyakov SA. On the territorial jurisdiction of civil cases to the military courts of the Russian Federation and the determination of their territorial jurisdiction. *Russian Judge*. 2014;1:28-33. (In Russ.).

Konovalova EE, Chekulaev DP. Territorial jurisdiction of criminal cases at the choice of the prosecution: *de lege lata et de lege ferenda*. *Zakonodatelstvo i praktika*. 2020;2(45):27-31. (In Russ.).

Korolev VA. Problems of considering criminal cases of private prosecution as a result of changes in jurisdiction. *Law and Order*. 2019;2:5-6. (In Russ.).

Litvinenko KL. Ensuring the right of citizens to access justice at the stage of initiating a criminal case. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2012. (In Russ.).

Pupysheva LA. The phenomenon of jurisdiction in the Russian criminal process: problems of theory and legislative regulation. *Philosophy of Law*. 2021;1(96):100-108. (In Russ.).

Savitsky VM. On the presumption of innocence and other principles of the criminal process. In: Larin AM, Melnikova EB, Savitsky VM. The criminal process of Russia: Lectures-Essays. Moscow: Beck Publ.; 1997. (In Russ.).

Semenov SN. Change in territorial jurisdiction in criminal proceedings as a guarantee of access to justice (issues of application and improvement of legislation. *Bulletin of the Amur State University, Series: Humanities*. 2008;42:18-21. (In Russ.).

Sidorov VV. Supervisory proceedings in criminal proceedings as a means of ensuring the right to access justice. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2011. (In Russ.).

Voronina NA. The victim's right to access to justice and its implementation in pre-trial criminal proceedings. Author's Abstract. Cand. Sci. (law) Diss. Moscow; 2024. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гизатуллин Ирек Альфредович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий
д. 131, Достоевского ул., г. Уфа 450000, Российская Федерация
gizatullin-irek@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irek A. Gizatullin, Cand. Sci. (Law), Department of Criminal law and Criminal Procedure, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation
gizatullin-irek@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 21 марта 2025 г.

Статья получена после рецензирования 12 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 апреля 2026 г.

Received 21.03.2025.

Revised 12.04.2025.

Accepted 15.04.2026.